

«богиня» вещает мурзе-певцу «страшны истины», обусловленные тем, что «поэзия не сумасбродство, но вышний дар богов». Вот эти «страшны истины»:

Владыки света люди те же,
В них страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже,
А где поэты не льстецы?
И ты сирен поющих грому
В вред добродетели не строй.
Благотворителю прямому
В хвале нет нужды никакой.
Хранящий муж честные нравы,
Твори свой долг, свои дела,
Царю приносит больше славы,
Чем всех пиитов похвала. . .

Отвечая на упреки этой «жены» (оказывается, это видение — сама Фелица) и на толки, вызванные одой, Державин, в частности, подчеркивает свою искренность:

Иной вменял мне в преступленье,
Что я посланницей небес
Тебя быть мыслил в восхищенье
И лил в восторге токи слез.
И словом, тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов.
Но пусть им здесь докажет муза,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю,
И что не из чужих анбаров
Тебе паряды я крою. . .

По-своему парадоксально то, что Державин заставил в «Видении мурзы» вещать «страшны истины» именно Фелицу, т. е. саму Екатерину II, которая как раз и жаждала от поэта новых похвальных од. Для этого императрица сделала поэта своим статс-секретарем и неоднократно намекала ему на свое желание. Оценка этой ситуации Державиным известна:

☞

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: «Пой, птичка, пой».

Когда же по наущению императрицы к поэту с аналогичным советом обратился А. В. Храповицкий, Державин высказался сдержанно, но определенно:

Товарищ давний, вновь сосед,
Приятный, острый Храповицкой!
Ты умный мне даешь совет,
Чтобы владычице киргизской
Я песни пел
И лирой ей хвалы гремел.